Леонид Бляхер

Конструирование исследовательского пространства

Рецензия на книгу: Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов/под ред. Э. Л. Панеях. М.: Статут, 2014

Хрестоматия «Право и правоприменение в зеркале социальных наук», вышедшая под редакцией Э. Л. Панеях, — книга во многих отношениях замечательная. Самое очевидное ее достоинство — качественные переводы качественных авторов, многие из которых мало знакомы отечественному читателю. Перед нами тот редкий случай, когда группировка текстов, их композиция сама по себе является текстом, предполагающим анализ и интерпретацию.

По существу, «Хрестоматия современных текстов» — это заявление о получении в отечественной науке прав гражданства для новой междисциплинарной исследовательской области, большая часть которой приватизирована другими устоявшимися и признанными дисциплинами. Юриспруденция и психология, философия и политология с историей уже достаточно давно разрабатывают проблемы бытия права и закона, поведения преступников и правоохранителей. Не менее активно осмысляются проблемы взаимодействия права и общества. Так, может и не стоит городить огород, вторгаться социологии в чужое пространство, освоенное или осваиваемое? Что нового несет этот подход? Почему именно сегодня и именно в России его внедрение остро необходимо и возможно?

Бляхер Леонид Ефимович — доктор философских наук, заведующий кафедрой философии Тихоокеанского государственного университета. Научные интересы: социология права, социология повседневности, методология социологических исследований, политическая социология, теория организации. E-mail: leonid743 342@mail.ru.

Bliakher Leonid Efimovich — PhD, Head of the Department of Philosophy of the National University of the Pacific. Research interests: sociology of law, sociology of everyday life, methodology of sociological research, sociology of politics, sociology of organizations. E-mail: leonid743 342@mail.ru.

Собственно, этому и посвящена рецензируемая книга. Право — один из важнейших *социальных* механизмов, структурирующих общество, задающих его систему норм и ценностей или по крайней мере репрезентирующих эти системы. Закон — формализованная норма, закрепленная определенным образом, находится с правом в достаточно сложных отношениях. А сами правоприменители и правоохранители — члены общества, живые люди, со всеми вытекающими последствиями. Писали ли об этом? Конечно. Эта проблема ставилась и обсуждалась[1] и классиками юриспруденции, и классиками философии. Однако на уровне эмпирических исследований *социальная* проблема отходила в тень, а под светом прожекторов оказывалась проблема совершенствования законов, воспитания или психологических девиаций.

При этом конкретные социологические исследования, в том числе и в России[2], проводились вполне активно. В основном они шли в области изучения «неформальной экономики». Исследовались практики за пределами закона, существующие помимо него. Открыв для себя в 1990-е годы эту исследовательскую область, российские социологи сделали в ней немало. Однако постепенно формируется убеждение о двух реальностях, ведущих параллельное существование. Есть реальность «живой жизни», а есть реальность «мертвых законов». Теоретически этот момент подвергался рефлексии не часто, но эмпирически проявлялся постоянно, в том числе и у автора этих строк[3]. «Мертвый закон» просто вытеснялся за рамки исследования или включался в него как нечто, что необходимо обойти. Сам закон, хоть «мертвый», хоть «живой», в центре социологического исследования оказывался крайне редко. Не часто попадали туда и те, кто его трактует и обслуживает (судьи, следователи и т. д.).

В какой-то момент казалось, что этот подход имеет право на существование. Ведь неформальные правила в бизнесе и самой социальной ткани играли определяющую роль. Но ситуация менялась. Бессильные в первой половине 1990-х годов слуги и хозяева закона, почти слившиеся с иными «силовыми предпринимателями»[4], постепенно возвращаются и возвращают свое могущество. Уже на излете 1990-х закон оказывался «одной из сторон договора», как от-

1 Лейст О. Э. (2012) *Сущность права: Проблемы теории и философии права*, М.: Зерцало-М.

2 Барсукова С. Ю. (2004) *Неформальная экономика: экономико-социологический анализ*, М.: ИД ВШЭ.

3 Бляхер Л. Е. (2001) Моральная экономика и политика, или народная игра в перепрятушки доходов // *Полис*, № 1: 64–72.

4 Волков В. В. (2002) *Силовое предпринимательство*, СПб: Летний сад.

мечала и сама составительница хрестоматии[1]. Но и исследовался он, как и задаваемое им социальное пространство, не сам по себе, а только как сторона договора. Достаточно важные и интересные наблюдения о законе и социальных агентах, связанных с ним, проводились. Но — и это очень важно — делались они в иной предметной области. О них говорили экономисты и экономические социологи, о них писали юристы и просто борцы с коррупцией, журналисты и политики. Но каждый из них вставлял свою находку или наблюдение в отдельную картинку. Общей картины не выстраивалось.

Вместе с тем потребность в такой картине становилась все более острой. Дело не только в том, что по мере «вертикализации всей страны» могущество закона, его слуг и хозяев возрастало, а в том, что все меньше становилось понятно, что такое закон в России, как он работает, как работают силовые структуры и как они включены в общество. Здесь и происходит экспорт социологии права и правоприменения в Россию — главным образом усилиями Института проблем правоприменения при Европейском институте в Санкт-Петербурге. Причем экспорт не механический, как в первой половине 1990-х годов, но творческий, позволяющий выделить новое смысловое пространство, подлежащее исследованию и описанию.

«Мертвый закон» становится живым и сложно структурированным социальным пространством. Пространством с собственной рациональностью, способной карнавализировать, разрушать попытки внешнего упорядочивания, которые не учитывают его собственных форм жизни. Огромная эмпирическая работа, проделанная сотрудниками института, имела колоссальное значение. Но проблема в том, что все их исследования вполне могли быть осмыслены в рамках уже существующих дисциплин, других исследовательских полей. Росла необходимость в мощном теоретическом каркасе, позволяющем включить все прикладные и эмпирические работы, которые уже проделаны и еще будут проделаны в рамках этого коллектива и этого направления. Думаю, хрестоматия этот каркас и задает.

Рецензируемая работа состоит из пяти разделов, различающихся не только составом авторов, но и местом в процессе становления новой исследовательской области. Первый раздел «Социология права» задает теоретическую рамку.

Один из самых сложных процессов, который происходит при становлении научного направления, — это вписывание себя в сущест-

1 Панеях Э. (2001) Формальные правила и неформальные институты их применения в российской экономической практике // *Экономическая социология*, № 3.

вующую исследовательскую традицию. Казалось бы, социология права — вполне состоявшаяся дисциплина, признанная и сформированная. Это так и не так. Для России она — явление пока маргинальное и странное. Именно поэтому крайне важно выстроить историческую линию, найти классиков и классические подходы, задающие необходимую теоретическую рамку. Это и проделывается с помощью тщательно и, я бы даже сказал, изящно подобранных текстов.

Открывает хрестоматию отрывок из работы «Метод социологии» Эмиля Дюркгейма. Он критически важен и для хрестоматии, и для становления проблемного поля. Именно здесь задается интенция, которая в том или ином виде будет присутствовать или развиваться в собранных текстах: оппозиция нормального и патологического, механизмы их различения. В том же русле строится статья Шанталя Тома, где искомая теоретическая рамка исследований «живого права» представлена в трудах М. Вебера и Т. Парсонса. Предшественники и классики социологии права рассматриваются и в других статьях раздела. Расположенные здесь статьи позволяют осмыслить и увидеть, как ведут себя в пространстве социологии права классические социологические категории «раса, гендер, класс», как возникает и поддерживается неравенство в доступе к праву, как сосуществуют правовые и квазиправовые системы в одном социальном пространстве (статья К. Серон, Ф. Мангер). Анализ представления М. Фуко о «ментальности» управления тоже трудно назвать случайным. То, что на правовую систему оказывают влияние такие «внешние» факторы, как культурные традиции и запреты, рутинные практики и привычки, достаточно очевидно. Но эти очевидные вещи в минимальной степени отражались на уровне теоретической рефлексии, не говоря уже об эмпирических работах.

Несколько выбивается, как мне показалось, из раздела последняя статья Н. Роуз, П. О'Мэлли, М. Валверд, посвященная проблеме смертной казни. С другой стороны, без анализа «последних вопросов» построение социальной онтологии в данной сфере невозможно. Есть здесь и иной, не менее важный смысл. Статья показывает, как социология вполне успешно вторгается на территорию, традиционно считающуюся несомненной вотчиной юриспруденции и философии.

Если первый раздел хрестоматии представляет собой вписывание в традицию, демонстрацию того, как в рамках классической категориальной сетки задается искомое пространства социологии права, то второй раздел «Право и общество» посвящен демонстрации эвристичности подходов, сложившихся уже внутри данного пространства. Мне наиболее интересной и актуальной показалась статья Дональда Блэка «Поведение закона». Здесь, пожалуй, наибо-

лее полно выписана теоретическая модель, позволяющая организовать целостное исследование выделенной (право) социальной сферы в ее взаимодействии с обществом.

Заслуживают внимания все статьи раздела. Каждая из них задает определенный взгляд, позволяющий увидеть в праве и его применении то, что традиционно выпадало, затенялось иными подходами и соображениями. В этом же разделе определяются и контуры трех ключевых подсистем, формирующих пространство права: правоохранители, правоприменители и сама правоохранительная система как организация. Эти структуры и описываются в трех частных разделах хрестоматии.

В разделе «Криминология» составитель сталкивает несколько взглядов на преступление и борьбу с ним. Первая, классическая, идея касается организации эффективного контроля общества над поведением индивида, о внутренних правилах, т. е. правилах, которые сам индивид принимает как свои. Этот подход, достаточно активно развиваемый в рамках классического позитивизма, представлен в текстах М. Р. Готтфредсона и Т. Хирши. Противоположный подход развивается в статьях Д. Блэка и Д. Брейтуэйта. Здесь преступление оказывается порождением самой системы охраны порядка, взращено ею. Оно выступает уже не столько девиацией, сколько необходимым элементом, этот порядок поддерживающим. Особенно ярко эта мысль проводится в завершающей раздел статье Эдвина М. Лемерта «После Мида: общественная (социетальная) реакция на девиацию».

Следующий раздел «Поведение судей» посвящен непосредственно социологическому анализу действий и мотивов толкователей права. То, что судьи — это социальная группа, обладающая определенными групповыми интересами, достаточно очевидно. Но, как и во многих других случаях, эта очевидность не часто становилась объектом внимательного описания исследователей (социологов, антропологов). Образцы такого описания и представлены в разделе. Какими могут быть мотивы поведения судей, кроме мотива поиска истины и установления справедливости? Как личные убеждения судьи влияют на применение и трактовку им законодательной нормы? Эти и многие другие проблемы, связанные с функционированием этой группы и ее агентов, рассмотрены здесь. Это, как мне кажется, крайне важно: в разделе показаны не только результаты, интересные сами по себе, но и сами исследовательские программы, ориентированные на разные объекты, ведь условия социального бытия изучаемых групп зачастую радикально отличаются. Это демонстрируется в статье П. Соломона, пожалуй, единственной работе в хрестоматии, непосредственно посвященной отечественной системе права и правоприменения.

Последний раздел «Социология правоохранительной системы», пожалуй, наиболее актуален для отечественного читателя. При всем том, что неинтересных текстов в хрестоматии просто нет, здесь академический интерес дополняется близостью проблематики широким читательским кругам. Как выстраивается взаимодействие норм разного уровня, как закон может быть «отменен» служебной инструкцией или сильнейшим образом трансформирован? Как структура организации начинает менять цель института, в рамках которого она создана?

Вопросов множество. Их надо задавать — корректно и профессионально. Хрестоматия, составленная Э. Л. Панеях, служит именной этой цели. Более того, она помогает формулировать вопросы самим читателям: и тем, кто уже имеет опыт исследовательской деятельности, и тем, кто только постигает азы науки. Книга будет также интересна всем, кто хотел бы, чтобы пространство свободы было немного больше, а уровень безопасности, в том числе безопасности от тех, кто ее должен обеспечивать, был несколько выше. Для этого мало желать провести реформу правоохранительной системы. Не менее, а, наверное, и более важно понимать, как система работает, как видят мир люди, включенные в нее, как мир видит этих людей.

Хрестоматия, представленная, несомненно, яркими и талантливыми авторами, не дает, да и не может дать ответы на все эти вопросы. Но она позволяет думать в нужном направлении, наблюдать, сравнивать. И, может быть, сегодня это намного важнее, чем все оппозиционные усилия в официальной политике, чем страстные публицистические призывы. Именно поэтому, как мне кажется, выход этой книги — явление, значимость и последствия которого нам еще предстоит осмыслить.